

Эрве
ЛеТеллье

Hervé
Le Tellier
Assez parlé
d'amour

Эрве
Ле Теллье
И ХВАТИТ
ПРО ЛЮБОВЬ

роман

Перевод с французского
Натали Мавлевич

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Л33

Программа содействия издательскому
делу «Пушкин» Французского института
при Посольстве Франции в России
Programme d'aide à la publication
« Pouchkine » de l'Institut français près
l'Ambassade de France en Russie

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Акварель на стр. 243 MARIE BEVILLE

Ле Теллье, Эрве.

Л33 И хватит про любовь : роман / ЭРВЕ ЛЕ ТЕЛЛЬЕ; пер. с франц. Н. МАВЛЕВИЧ. —
Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2024. — 256 с.

ISBN 978-5-17-155259-6

Французский прозаик, эссеист и драматург Эрве Ле Теллье, автор двух десятков книг, занял свое место среди писателей с мировым именем, выпустив в 2020 году сенсационный роман “Аномалия”, который принес ему Гонкуровскую премию и был переведен на 40 языков.

“И хватит про любовь” — вопреки названию — роман о любви. Томá Ле Галь — психотерапевт. Его пациентка Анна влюбляется с первого взгляда в писателя Ива и уже собирается расстаться с мужем. Сам Тома влюбляется в Луизу, она тоже готова ради него бросить мужа, известного ученого. У обеих женщин брак скорее удачный и есть дети. Взаимная страсть, омраченная чувством вины, и поиски себя накануне сорокалетия вынуждают Анну и Луизу сделать выбор: сохранить семью или уйти к любимому. Эрве Ле Теллье выстраивает тончайшую игру эмоций, слов и поступков, похожую на выдуманное им загадочное “абхазское домино”.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-155259-6

- © Éditions Jean-Claude Lattès, 2009
- © Н. Мавлевич, перевод на русский язык, 2024
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024
- © ООО “Издательство АСТ”, 2024
Издательство CORPUS ®

Посвящ ется С ре

Для меня всегда самым главным,
если не единственно важным
в жизни была любовь.

СТЕНДАЛЬ

Жизнь Анри Брюлль

Пролог

В тот год на всей планете выдалась самая теплая за пятьсот лет осень. Но больше об этой милости небес, которая, возможно, и сыграла свою роль, говорить не будет.

Это повествование охватывает три или три с небольшим месяца. Пусть та — или тот, — кто не хочет — или не хочет больше — ничего слышать о любви, отложит книгу.

Томá

В городах должны быть большие сады. Сады необходимы для того, чтобы жизнь молодого человека покачнулась, чтобы на непредвиденной развилке свернула на другую дорогу. Чтобы — пусть частично — реализовались его потенциальные возможности. И вот однажды февральским утром 1974 года один подросток зашел в Люксембургский сад. У него светлые волосы, он носит шерстяной шарф, и его зовут Томá. Тома Ле Галь.

Тома — хороший ученик. Ему ровно шестнадцать, он штудирует высшую математику, чтобы оправдать надежды матери и поступить в престижную высшую школу, лучше всего — в Политехническую. Но в то утро Тома, выйдя из дому и спустившись в метро — он живет в 18-м округе, у метро “Барбес”, — пропустил станцию, где находится его лицей, доехал по той же 4-й линии до “Сен-Мишель” и оттуда дошел по бульвару до Люксембургского сада. По аллее мимо статуй французских королей подошел к большому пруду и сел там на металлический стул. Он подготовил эту вылазку заранее. В сумке припасено много книг. На улице тепло.

Вечером он вернулся домой. Голодный — днем съел только багет и какое-то яблоко.

Пришел он в Люксембургский сад и на другой день и еще на следующий и стал приходить каждый день. Теперь сад — его штаб-квартира. У него завелись друзья: Манон, его ровесница, блондинка со вздернутым носиком и веснушками, такая же, если еще не более неприкаянная, чем он сам, и Кадер, взрослый черный парень лет тридцати, гитарист, который концертирует в метро. Когда идет дождь, Тома прячется под крышу какого-нибудь киоска или греется в прокуренном кафе на улице Мальбранш, где он быстро сошелся с ребятами из выпускного класса лицае Луи-ле-Гран. Болтает с ними о политике, литературе, яростно хает Пруста, Троцкого, Альтюссера и Барта, и ярость его пропорциональна незнанию источников. Когда много позднее он прочтет их произведения, то устыдится глупостей, которые тогда изрекал, и подивится, что такая наглость легко сходила ему с рук.

Наступил март, потом апрель. Тома написал заявление об уходе из лицае. А родителям он, разумеется, врал. Это оказалось на удивление просто, даже весело, и он открыл в себе талант вруна. От него пахнет табаком? Это одноклассники психуют и много курят во время зачетов. Не хватает денег на обед? Теперь в столовой надо платить наличными, он, Тома, подозревает управляющего в злоупотреблениях. Нечаянно вернулся раньше времени? Была лабораторная по химии на окислительно-восстановительные реакции, и учитель — представляете? — обжегся. С тех пор как он бросил учебу, он стал рассказывать о ней куда больше, чем раньше.

Однажды вечером, уже в мае, Тома пришел домой и стал плести очередную сказку. Отец слушал молча,

не сводя с него глаз. Не выдержала мама. Они всё знают. Позвонили из лица: он не сдал одну книгу в библиотеку, хотя уже три месяца как отчислен. Ссора, крики, разрыв. Тома не будет поступать в высшую школу. Он уходит из дома, поселяется у друга. Перебивается случайными заработками — в ту пору их было нетрудно найти, — потихоньку занимается психологией, социологией, еще десять лет оставаясь подростком. Из этого состояния однажды майским утром его вышиб звонок из полиции. Пьетта, женщина, которую он любит и которая недавно выписалась из больницы, где лежала с депрессией, бросилась под поезд. Тома удаётся за три дня уладить все формальности, всё организовать и похоронить свою подругу. Вернувшись с похорон, он запирается дома на целую неделю. А потом выходит гладко выбритым, коротко постриженным — прощайте, длинные черные кудри. И снова берется за учебу. На тот момент, с которого начинается повествование, медная табличка, привинченная к двери дома 28 по улице Монж, недалеко от Люксембургского сада, свидетельствует о достигнутом результате:

Д-р ТОМА ЛЕ ГАЛЬ
психиатр, психоаналитик
*В прошлом интерн в п рижских
психи трических клиник х*

Табличка характеризует его как серьезного специалиста, что ж, сегодня Тома Ле Галь и в самом деле классный профессионал.

Трехкомнатная, прежде жилая квартира на пятом этаже, слева, служит ему для приема пациентов. Кухню,

просторную, с современным оборудованием, Тома сохранил. Иногда он обедает там весенним рулетом из китайской лавки. Спальня, по левую руку от входа, переделана в приемную: натертый пол, два глубоких кресла и низенький столик — все почти как в английском клубе; окно без штор выходит на улицу. Сеансы длятся тридцать минут, между ними часовые промежутки, так что пациенты не встречаются. В назначенное время Тома принимает в переделанном из двух комнат кабинете, там из окон было бы видно небо и платаны во дворе, если бы свет не приглушали жалюзи из экзотической древесины. Дверь обита черным бархатом, оливкового цвета кожаный диван так и манит расслабиться. Комнату благожелательно озирают африканские маски — так повернутые спинами к морю истуканы-моаи оберегают остров Пасхи. На стене за письменным столом в стиле Луи-Филиппа индустриальный пейзаж Стивена Лаури в серо-голубых тонах. На другой стене очень маленькая и очень темная картина Брама ван Вельде, написанная в годы дружбы с Матиссом. Эта картина — единственная тут по-настоящему ценная. Тома приобрел ее на аукционе Друо, пожалуй, за слишком большую цену — хотя разве может искусство быть слишком дорогим! — но затем и приобрел, чтобы и думать забыть еще что-либо покупать там.

Тома отлично понимает, что вся эта обстановка — карикатура на типичный кабинет психоаналитика. Еще спасибо, что он не заставил пациентов смотреть на догонскую статуэтку или конголезского идола с гвоздями. Но язык декора немаловажен, Тома им не пренебрегает.

Всю свободную стенку занимают книжные полки, где художественная литература и психоанализ стоят

бок о бок, соблюдая некое перемирие. Джойс рядом с Пьером Каном, Лейрис впритирку с Лаканом, книжка Кено, выступающая из ряда — хороший признак для книги, — вплотную к Делёзу. Тома было пятнадцать лет, когда умер Кено. “Неужели ты ду, тыдуду, тыдада, думаешь, что и пра, что и правда, ну да, молодость навсегда, да?”¹ Нет, Тома Ле Галь давно так не думает. Все больше морщин у него на лице, седины в волосах, они уже не так волнисты и густы, щеки слегка обрюзгли и обвисли, ему уже не сорок лет, пятый десяток на исходе, а впереди — хорошего не жди, все только хуже.

Полукруглые каминные часы показывают девять. Тома отключил у них бой, чтобы во время сеансов самому следить за временем. Он сидит в кресле и ждет. Читает позавчерашний “Монд”, перекладывает какие-то бумажки. Первый пациент запаздывает. Анна Штейн всегда запаздывает. Иногда на минуту-другую, иногда на десять минут, а то и на целую четверть часа и всегда по уважительной причине: то задержалась няня, то парижские пробки, то негде припарковаться. Тома предлагал ей другое время, она отказалась. Похоже, ей нравится заставлять себя ждать.

Анна Штейн. Терапия длится двенадцать лет и уже близится к концу. В первые годы она, как все другие, только рассказывала. Развернула весь свиток своей жизни, выложила всё, пока не исчерпала закрома памяти, не подобрала последние крошки воспоминаний и не почувствовала себя буквально опустошенной, выжатой до капли, похожей на пересохшую реку. Потом еще целый год с лишним мельница крутилась вхол-

1 Строчки из стихотворения Реймона Кено “Неужели ты думаешь” (*Si tu t’imagines*). (Здесь и д лее, кроме особо отмеченного случ я, — прим. перев.)